НОРМА СТАР

ТЕАТР ПОСЛЕ ПОЛУНОЧИ

ПЕРВЫЙ СЕЗОН

Норма Стар

Театр после полуночи

«Автор»
2026

Стар Н.

Театр после полуночи / Н. Стар — «Автор», 2026

Софья заказывала берег — небольшой сценический эффект. Но за несколько часов до премьеры море добирается до третьего ряда, а в мастерской этажом ниже начинают мокнуть выкройки.Театр «Гранат» живёт над ночным рынком. Здесь старые ткани хранят чужую магию, актёры умеют удивить собственного режиссёра, а свидание легко превратить в разговор о работе. Инженер Лев знает, как остановить воду и настроить свет. Софье сорок три, и ей непросто признать, что она ждёт его ещё до того, как слышит шаги на лестнице.Восемь связанных рассказов о театральном закулисье и взрослой любви — с репетициями, неудачными обещаниями, смехом и возможностью прийти снова.

© Стар Н., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Предисловие 5
01. Море по щиколотку 6
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Норма Стар
Театр после полуночи

Предисловие

В театр обычно приходят к началу спектакля. Но в эту историю я приглашаю вас чуть раньше — когда кто-то ещё проверяет свет, кто-то ищет булавку, а человек, которому давно пора домой, обещает задержаться всего на пять минут.

Театр «Гранат» помещается над ночным рынком. Внизу торгуются и жарят каштаны, наверху спорят о том, куда поставить стул. Здесь работают люди, у которых есть и другие заботы, кроме предстоящего выхода. Кто-то ждёт оплаты, кто-то бережёт свою роль, кто-то слишком давно не позволял себе провести вечер без пользы.

В этом мире есть магия. Её можно вплести в ткань, настроить для сцены, купить вместе со старой декорацией. Но даже самый искусно поставленный свет не подскажет, что сказать человеку, с которым вдруг стало неловко оставаться наедине.

Мне хотелось написать о любви, для которой не приходится начинать жизнь с чистого листа. Можно прийти в неё со своей работой, усталостью, привычкой спорить и сумкой, которую вечно некуда поставить. А потом обнаружить, что вполне взрослые люди по-прежнему способны растеряться из-за приглашения в театр.

Эти восемь рассказов складываются в один сезон. Читайте их по порядку — и задержитесь с героями после поклона, когда можно наконец поговорить не о работе.

Проходите. До начала ещё есть время.

Норма Стар

01. Море по щиколотку

Море добралось до третьего ряда и остановилось у сапога человека, который не покупал билет.

Человек поднял ногу. Море подождало.

— Это вы его позвали? — спросил он.

Софья стояла посреди сцены с засученной юбкой и мокрой тряпкой в руке. Вода должна была лежать в неглубоком поддоне, два шага в длину, и тихо шуршать у ног Неллы. Сначала она так и делала. Потом потянулась к краю, перешла через медную полосу и сползла со сцены тонким прозрачным языком.

— Я заказывала берег.

— Берег обычно с другой стороны.

Он переступил воду и поставил на сухое сиденье кожаную сумку. Из бокового кармана торчала щётка для одежды. Софья почему-то посмотрела именно на неё.

— Вы Лев?

— Да. Уберите руку.

Она уже опустила тряпку поперёк дорожки.

— Это вода.

— А под ней — подача.

У правой кулисы Нелла стянула туфлю и вылила из неё струйку.

— Мне пока умирать или мы ещё репетируем?

— Ты в этой пьесе не умираешь.

— Я спрашиваю как сотрудник.

Лев обошёл первые ряды, поднялся по боковым ступеням. Не полез сразу в сумку, не стал трогать ткань. Посмотрел, куда Софья положила катушку, провёл взглядом вдоль мокрого шнура к бочке за кулисой.

— Кран закрыт?

— Сразу закрыла.

Он вынул из петли на бочке короткий медный стержень. Серебристая нить, бежавшая по краю поддона, потухла. Вода на сцене ещё дрожала, но новая из шланга не поступала и до этого.

Дорожка в зале продолжала ползти.

Лев присел, разглядывая изнанку ткани у края сцены.

— Есть ножницы?

— Для чего?

— Пока для разговора. Резать без вас не буду.

Софья положила тряпку на сухой угол поддона.

Два часа назад она сама раскрыла длинное морское полотно и соединила короткие стороны застёжками. Продавец обещал, что чары сняты; человек, которого она наняла готовить свет, проверил лоскут и не нашёл действующего рисунка. Для полной водяной пробы Софья вызвала инженера. В письме ему она написала: «Небольшой эффект, преимущественно звук».

Лев смотрел на струйку у своих ботинок.

— Небольшой, — сказала Софья.

Он поднял голову.

— Я письмо помню.

Софья опустилась на корточки и попробовала приподнять ближайший стул. Ножка скользнула; из-под сиденья на её руку вылилась холодная вода.

— Пока оставьте, — сказал Лев.

— Нам вечером сажать людей.

— Поэтому и оставьте. Я пройду к краю, потом поднимем вместе.

Он отодвинул сумку за последнюю сухую половицу. Софья всё ещё держалась за спинку. Стул был один из хороших, с целой обивкой; для первого ряда она сама выбрала одинаковые. Между ним и следующим уже собиралась лужица. Хотелось хотя бы убрать вещь из воды, раз уж с самой водой ничего не получалось.

— Нелла, принеси доску со склада, — сказала она. — Ту, узкую.

Актриса посмотрела на собственные ноги.

— В туфлях я быстрее.

Софья сняла со спинки платок и протянула ей. Нелла вытерла ступни, оглянулась на сцену и пошла за кулису, ступая пятками.

Лев взял край морского полотна двумя пальцами. Софья ждала, что он сейчас потянет, но он только посмотрел вдоль шва и отпустил.

— Вас кто-нибудь должен был встретить, — сказала она.

— Вы встретили.

Он говорил без улыбки. Она не поняла, шутка ли это, и тоже оставила лицо серьёзным.

Со стороны лестницы показался Ивор. Лев поднял ладонь, и тот остановился на пороге. Ведро, которое принёс актёр, было так тщательно вымыто, что Софья сразу вспомнила вчерашние яблоки в нём.

— Ещё есть? — спросила она.

— Яблоки?

— Вёдра.

— Я надеялся, вам понадобится и первое.

Нелла принесла доску. Её уложили от двери к краю сухого прохода. Лев проверил ногой оба конца, прежде чем позволил Софье перейти. Под доской хлюпнуло; она невольно схватилась за Иворов локоть и отпустила слишком быстро, едва не потеряв равновесие снова.

Внизу что-то глухо стукнуло. Нелла оглянулась на служебную лестницу.

— Это у Тамары, — сказала Софья.

Она поставила стул обратно. Пальцы разжимались неохотно, как будто он мог остаться последней вещью, которую она сегодня удержала на месте.

***

Под Большим залом находилась мастерская. Над ночным рынком — весь театр, а между рынком и сценой помещались ещё склад, мастерская и слишком много хороших вещей, которые было негде держать.

Софья побежала вниз по служебной лестнице. На площадке её обогнал Ивор с пустым ведром.

— Восемнадцать возвратов мы ещё вынесем, — сказал он.

— До возвратов далеко.

— До мастерской близко.

В мастерской Тамара стояла на столе. В одной руке у неё был утюг, в другой — край недошитого мужского пальто.

— К стене не ставьте, — сказала она Ивору. — Там мои выкройки.

Он посмотрел на сухой пол.

С потолка упала капля. За ней вторая.

Тамара передала Софье пальто, спустилась со стола и сама передвинула стопку фанеры под швейную машину.

— Я предупреждала, что наверху нужен свой сток.

— Сток есть.

— У меня тоже. В углу. Не для вашей постановки.

Софья повесила пальто на верхний крюк. Ткань была тёплой от утюга, тяжёлой, с мягким зелёным отливом. На внутреннем кармане уже стояла вышитая буква «Т».

Это было не театральное пальто. Тамара готовила образец для лавки на Кожевенной и собиралась отнести его утром.

Из щели вокруг потолочной балки сочилась вода. Софья подставила таз. Попала не сразу; несколько капель брызнули на щёку.

Ивор принёс второй таз, потом вернулся наверх. Ему предстояло играть через семь часов. Пока он двигался так, словно ничего, кроме потолка, в его жизни не было.

— Пальто я отнесу, — сказала Софья.

— Я сама отнесу. Вы мне стол освободите к десяти.

Она хотела сказать, что к десяти здесь всё будет сухо. Прикусила язык.

— Посмотрю наверху.

Тамара кивнула на таз.

— А я послушаю.

У двери Софья остановилась. На верёвке над столом висели большие бумажные детали, похожие на сплющенных людей без головы. С нижнего края одной стекала вода. Тамара смотрела на неё, не двигаясь, будто примеряла ещё не случившуюся работу.

— Их можно утюгом? — спросила Софья.

— Можно. И получить гладкую неправильную спину.

Тамара поставила утюг на сухую подставку и вынула из ящика металлические грузики. Софья взялась за верёвку, но та оказалась привязана к двум разным шкафам. Если снять целиком, листы легли бы на мокрый стол.

— Доску под них принесите. Не эту, тут мыло.

Софья нашла у стены подходящую, потянула и услышала, как за ней поехала стопка заготовок. Пришлось прижать их плечом. Тамара подошла, не говоря ни слова, придержала сверху, и доска наконец вышла. Вместе они положили её на два табурета.

Бумага отлипала от верёвки с влажным шорохом. Софья держала угол, пока Тамара подводила под лист плоскую линейку. В одном месте край всё-таки расползся. Тамара положила обрывок рядом, не вытирая ладоней о юбку.

— Я его перерисую, — сказала Софья.

— С чего?

На целом листе Софья видела несколько дуг и цифру, которую легко было принять за другую. Пальто висело у неё за спиной, но снять с него прежнюю бумажную выкройку было невозможно.

— У вас где-нибудь есть ещё?

— Есть мерки. Будет новая работа.

Софья опустила доску ровнее. Одна ножка табурета попала в щель, и лист опасно склонился. Она держала его коленом, пока Тамара подкладывала дощечку.

— Скажите потом, сколько времени ушло. И на что.

— Потом я шить буду. Запишите сейчас: три листа. Сушим все, перечерчиваем те, что поведёт.

Софья пошарила по карману. Карандаш остался наверху. Тамара вынула свой из волос, дала ей и показала на чистую оборотную сторону старого заказа.

Когда запись была сделана, Софья хотела оставить карандаш рядом с утюгом.

— Сюда, — сказала Тамара и протянула руку.

Софья вернула его. Тамара снова убрала карандаш в волосы, подвинула под капель таз и наконец взглянула на пальто.

— Вот это сегодня не замочим.

***

Лев сидел на корточках у сцены. Вдоль мокрой дорожки стояли перевёрнутые стулья: он поднял тканевые сиденья выше воды. На подлокотнике лежали портновские ножницы с привязанной красной тесьмой.

— Не брать, — сказала Софья.

— Они и мне не разрешили. Указали, где лежат хозяйственные.

Он показал вторую пару.

— Вода в мастерской?

— Пока капает.

— Здесь у доски щель. То, что вытекло, само в поддон не вернётся. Но остановить можно.

Софья опустилась рядом. Подол холодно облепил колени.

Он развернул край полотна. По лицевой стороне шли синие волны, по изнанке — почти чёрный шов, кое-где с белыми пропусками. Лев поддел одну нить тупым концом ножниц. Из неё выступила капля.

— Новый рисунок ваш? — спросил он.

— Мой эскиз. Наносил осветитель, Рэм. Он сейчас в городском зале, вернётся к семи.

— Хорошо нанёс. Снимите застёжку.

Софья расцепила ближайшие крючки. Водяная дорожка вздрогнула и легла шире. Дальше не пошла.

Лев выждал, потом отодвинул край ткани сухой палочкой. Софья услышала, как за её спиной перестало капать с деревянной ступеньки.

— Старый рисунок замкнулся, когда вы соединили полотно. Под синим есть ещё один. Часть стёрта, часть нет. На лоскуте открытая нить молчит.

— Оно продано как чистое.

— Вижу.

Он не произнёс это таким тоном, каким обычно говорили «вы сами виноваты». От этого стало немного хуже: оправдываться оказалось не перед кем.

— Если отрезать старый край?

— Перестанет держаться на раме. И я ещё не знаю, что останется в середине. Сегодня воду сюда больше не дадим.

Он поднялся и подал ей руку. Софья ухватилась и, вставая, почувствовала на его ладони шершавую полосу у основания пальцев. Он придержал её ровно до тех пор, пока она не нашла ногой сухую доску.

— Сегодня премьера.

— Я читал афишу.

— Вы читаете всё, что вам присылают?

— Суммы особенно внимательно.

Его гонорар лежал у неё в конторке в отдельном конверте. Полная проверка, вечернее дежурство, работа до двух ночи. Сумма для небольшого эффекта была неприятная. Для воды в мастерской — уже нет.

На сцену поднялась Нелла в сухих чулках и чужих слишком больших туфлях.

— Я могу играть в Малом, — сказала она.

Софья обернулась.

В Большом зале было восемьдесят мест, в Малом — тридцать шесть. Билетов они продали пятьдесят четыре.

— А Ивор?

— Ивор тоже туда помещается. Даже с достоинством.

Нелла попробовала вытянуть ногу в туфле, но туфля осталась на полу.

— Мне эта пьеса нравится, Софья. Давай сначала решим, как её сыграть.

Софья посмотрела на сценический поддон. В нём ещё стояла вода, хотя дорожка между рядами уже не двигалась. Теперь легко было вообразить, что вся неприятность закончилась и нужно только хорошенько вытереть пол.

Она подхватила ручку бочки.

— Не с этим, — сказал Лев. — Сначала воду переложим.

— Я могу принести другую.

— Принесите. И не ту, в которую соль сыплют.

На складе нашлось ещё два ведра. Одно без ручки. Софья отдала целое Ивору, взяла второе обеими руками; обод неприятно врезался под пальцы. По служебной лестнице приходилось идти боком. Вода качалась от каждого шага, и она дважды останавливалась, прижимая ведро к животу.

Во дворе Нелла уже придерживала дверь башмаком. Сама она несла только кружку.

— С этим быстрее, — сказала Софья, показав на ведро.

— С этим я удержу дверь, пока вы не разобьёте себе нос.

Софья вынесла ведро во двор и вылила воду в сток. Нелла держала дверь, пока она не вернулась.

Вернувшись наверх, Софья обнаружила, что Лев и Ивор так и не начали сворачивать полотно. Между его краями стояли деревянные распорки. Лев переставлял поддон понемногу, следя не за водой, а за швом.

— Унести-то можно? — спросила она.

— Пока пусть лежит. Здесь никто на него не наступит.

Она оглянулась на зрительские стулья. Они стояли ножками вверх вдоль стен; зал стал похож на помещение, которое собирались сдавать другим людям.

Ивор вылил последнее ведро в бочку у служебной лестницы и расправил спину.

— В Малом чемодан есть, — сказал он. — Тот, у которого ручка держится.

— Нам и этот нужен.

— Этот большой. Там он займёт половину берега.

Софья открыла рот возразить и посмотрела на свои руки. Под ногтями темнело от грязной воды, на ладонях остались две красные полосы от обода. Ей хотелось хотя бы чемодан оставить тем, который она выбрала.

— Принеси маленький, — сказала она. — Оба посмотрим.

Ивор поставил ведро. Лев всё ещё держал край полотна; Софья подошла и подставила пустой ящик под его локоть. На этот раз он не попросил её отойти.

***

К шести часам морское полотно лежало в пустом поддоне, разомкнутое, с деревянными распорками между краями. Лев снял с него пробу и запер катушку в инструментальном ящике. Часть воды ушла в дворовый сток, остальное осталось в бочке. Ивор принёс снизу записку: «Три листа размокли. Утюг цел. Стол к десяти».

Софья прочитала записку дважды.

— Вы смету проверяете? — спросил Ивор.

— Учусь.

Он сел на край стола в конторке. У него из нагрудного кармана торчала ложка. Он так и не пообедал: трижды разогревал суп и каждый раз куда-нибудь уходил.

— Лея уже рассаживает на завтра тех, кто согласится, — сказал он. — Но завтра у нас должно быть второе представление. С каким берегом?

Софья посмотрела на афишу.

«Берег по средам». Два человека, деревянная терраса, море, к которому ни один не подходит. Агата каждую среду отдаёт хозяину пансиона ключ от комнаты: всё лето собирается

уехать. Он каждый раз обещает отправить её вещи с утренней повозкой и каждое утро забывает. Смешная пьеса, пока не слышишь, как долго они оба это делают.

Софья поставила море первым делом. Тихое, настоящее, в трёх шагах от зрителя. Ей нравилось, что Нелла могла перестать говорить — и сцена не пустела.

Теперь у неё оставались Нелла, Ивор, стол, два стула и нарисованный горизонт.

— Без воды, — сказала она.

— Я уже понял.

— И без звука воды.

Ивор вынул ложку из кармана и посмотрел на неё так, словно она могла помочь.

— В пьесе Агата дважды просит говорить громче из-за прибоя.

— Ты будешь от неё слишком далеко.

— В Малом?

Она отодвинула его стул к двери.

Ивор не сел.

— Давай попробуем с Неллой. Не вдвоём тут договоримся, а потом ей принесём.

— Да. Конечно.

Он всё ещё смотрел на неё.

Софья сняла со стены афишу и свернула рисунком внутрь.

— Я сама скажу про перенос.

— Лея уже говорит. Ей нужен текст на дверь.

Они составили его вместе. Другой зал, тот же спектакль, возврат денег по желанию. Софья вычеркнула слово «улучшенный» перед словом «показ».

Лея принесла две схемы и положила на мокрое пятно от Софьиного рукава. Подняла обратно, поискала сухое место и положила поверх закрытой кассовой книги.

— Восемнадцать человек совсем не войдут, — сказала она. — Если все придут.

— Можно добавить ряд?

— Можно убрать проход.

Лея не стала показывать, какой именно. Софья знала Малый зал. Там тесно было даже перед пустыми стульями, а если прибавить ещё один ряд, у двери останется щель для одного худого человека без пальто.

Она взяла карандаш, попробовала перевести первые места с одной схемы на другую. У двух соседних билетов получались разные ряды.

— Вот эти вместе, — сказала Лея.

— Откуда ты знаешь?

— Они у меня покупали.

Карандаш оставил на бумаге жирную черту. Софья хотела переписать схему набело.

— Не надо, — сказала Лея. — Пока я считаю по ней.

Снизу позвали кассира. Лея прижала свой лист ладонью.

— Я могу на завтра предложить, но без обещания, что завтра вернётся Большой. Скажи мне сейчас.

Софья посмотрела на свёрнутую афишу. Изнутри выглядывал голубой край, аккуратно отданный художником под волны.

— Завтра тоже Малый.

Лея кивнула и поставила букву возле даты. Никакого большого зачёркивания не понадобилось.

Перед уходом она взяла у Софьи объявление. Прочла, двигая губами, и сама дописала, где возвращают деньги. Софья заметила, что строка о возврате стала длиннее строки о спектакле.

— Это крупнее перепишу, — сказала Лея. — С лестницы не увидят.

В Малом пахло остывшей пылью. Софья сняла со стула у двери чьи-то очки и отнесла в конторку. Когда она вернулась, Ивор стоял с двумя чемоданами. Весь его вид показывал, что он готов отнести обратно любой, лишь бы ему сказали который.

Она попросила поставить оба. Маленький не закрывал Неллиных ног. Большой заслонял нижнюю часть двери.

— Этот, — сказала Софья, коснувшись меньшего.

Ивор открыл его. Внутри лежал другой, ещё меньше.

Софья засмеялась впервые за день без усилия.

— Последний не доставай. Мы уже продали билеты.

***

Лев нашёл её в Малом зале за столиком, которым она загородила проход на сцену.

— У вас тут гости не войдут.

— Это для актёров.

— Они тоже люди.

Он остановился, заметив на втором стуле Неллу.

— Иногда, — сказала она. — Сейчас я сижу на море.

В руках Нелла держала большой пустой поднос. Когда Ивор оказывался далеко, она чуть приподнимала его к уху. Выглядело нелепо. На третьей пробе Ивор засмеялся раньше положенного.

Софья потёрла лоб.

— Не то. Уберём.

Нелла поставила поднос у стены.

— Я не хочу каждую реплику придумывать, что делаю руками. Можно я просто не услышу?

Она села. Ивор занял место у двери.

— Ваш багаж будет утром, — сказал он.

Нелла стала снимать с запястья узкую ленту, которой подвязывала рукав. Ослабила узел зубами. Софья открыла рот: Агата не стала бы… — и закрыла.

— Что? — спросила Нелла.

— Ваш багаж.

— Здесь нет моего багажа.

— Будет. Утром.

— Ах. Ну да.

Она завязала ленту снова. Слишком туго — выдернула застрявший край.

Ивор сделал шаг к ней и остановился.

Софья откинулась на спинку стула.

В Большом зале пауза требовала моря. Здесь было видно, что Нелла не могла справиться с самым простым узлом.

Софья попросила пройти сцену с начала. Ивор взял чемодан, вошёл и сразу задел стул коленом. На старой площадке он шёл ещё три шага после реплики. Теперь три шага приводили его к Нелле раньше, чем она успевала поднять голову.

— Я могу отсюда, — сказал он, указав на другую дверь.

— Там зрители будут входить.

— Они до меня.

Нелла посмотрела на Софью.

— Он здесь живёт. Может же человек войти в свою комнату не с той стороны, как вчера.

Софья передвинула стул. Ивор попробовал ещё раз. Чемодан лёг на пол с настоящим тяжёлым стуком, и Нелла вздрогнула.

— Пустой? — спросила она.

— Я взял книги.

— Ты переезжаешь?

— Рука без них не та.

Софья присела в первом ряду. Отсюда чемодан не был виден за краем стола. Она потянулась было переставить его сама, но Нелла уже встала.

— Я его обойду. Уберу отсюда стул?

Так между столом и дверью появилась узкая дорожка. Нелла прошла по ней, Ивор не подался ей навстречу. На мгновение они оказались по разные стороны собственного багажа.

Софья придержала язык зубами. Ещё вчера она объясняла им, что море должно всё время оставаться между людьми. Сейчас между ними стояла вещь с ободранным углом. Ивор поставил её не совсем ровно, ручка склонилась набок. Нелла поправила ручку, хотя не собиралась брать чемодан.

— Это оставим, — сказала Софья.

— Ручка всё равно падает, — ответил Ивор.

— Вот и не чини пока.

Из коридора показалась Лея. Она остановилась послушать, не мешая проходу, и Софья заметила, как хорошо отсюда видно сцену человеку, который ещё не вошёл в зал.

— Сможешь дверь прикрывать мягко? — спросила она.

Лея взялась за ручку, придержала язычок замка и закрыла дверь без щелчка. Нелла дождалась, пока она откроется снова, и ещё раз отвела взгляд от Ивора к чемодану.

— Ещё раз, — сказала Софья. — Ивор, когда она переспросит, не подходи. Ты же слышал её прекрасно.

Лев стоял у двери, прижавшись к стене, чтобы Ивор мог пройти мимо.

— Вы зачем пришли? — спохватилась Софья.

— Спросить, когда можно проверить свет.

Она поглядела на часы над дверью. До входа зрителей оставалось меньше трёх часов.

— Сейчас. Десять минут перерыв.

Нелла сходила к зеркалу у кулисы и только там развязала ленту.

Софья поднялась на сцену. Задник с нарисованным горизонтом перекрывал пожарную дверь; его пришлось оставить в Большом. Без него стена Малого зала казалась особенно жёлтой. Днём она была кремовой, но к вечеру брала цвет ламп.

— Нам нужен закат, — сказала Софья.

— Это можно.

— Я начинаю любить эти слова.

Лев открыл сумку.

Он выложил на стол три пластины, обёрнутые серой бумагой. Сквозь первую лампа дала чистое белое пятно. Через вторую — красноватое, густое, в котором у Софьи руки стали как чужие.

— Слишком красиво, — сказала она.

Лев придержал пластину за край.

— Это тоже жалоба?

— Пока нет. У неё завтра опять то же самое утро. Не надо прощания с целым миром.

Он сменил пластину. Свет стал бледнее. На облупленной стене проступил тёплый прямоугольник; в нём двигалась мелкая неровная рябь. Софья повернула голову: никто ничего не качал. Лев снял с лампы тонкое колечко, и рябь остановилась.

— Слюда, рисунок, зерно в пазу, — сказал он. — Движения на сорок минут, если медленно. Потом зерно вынимаем. Стена останется стеной.

— Можно только в конце?

— Можно.

— И не выше пояса.

Он сдвинул заслонку.

Рябь легла поперёк её юбки, дошла до пальцев. Софья отвела руку, потом вернула. Между пальцами побежал свет. Она чуть расставила их, и тени удлинились.

— Это входит в цену? — спросила она.

Лев посмотрел на её руку.

— Дежурство входит. Зерно моё, его допишем.

Она рассмеялась; он не улыбнулся, но не сразу взялся за бумажную обёртку.

Рэм вернулся, когда Лев уже проверял край светлого пятна. Осветитель стоял в дверях с курткой на плече; потом молча положил её на стул и подошёл к лампе.

— Я на лоскуте ничего не видел, — сказал он.

— На лоскуте не было замкнуто, — ответил Лев. — Проба у меня. После вечера посмотрим.

Рэм посмотрел на Софью. Она заметила, что он ждёт от неё не подтверждения, а чего-то другого. В её письме действительно было: проверено, рисунок снят.

— Сейчас нужен этот свет, — сказала она. — Без моря. И стулья высушить, если там осталось что-нибудь, что можно высушить.

— Здесь я успею, — сказал Рэм и потянулся к оправе.

Лев придержал его запястье, показал край пластины. Рэм отнял руку сам и взял бумагу.

Они повторили включение. Софья села на Неллино место, затем перешла к двери Ивора. В первом положении рябь падала ей на руки, во втором задевала только край юбки. Лев попросил не передвигать стол до конца пробы. Она уже стояла, взявшись за его угол, и отпустила.

Рэм поставил свою отметку на боковой стене. У него оказалась такая же привычка держать карандаш за ухом, как у Тамары в волосах. Когда он наклонился, карандаш упал; Софья подняла и протянула. Оба мужчины ждали, пока она вернётся на место.

Софья снова села. Изнутри чулка под пяткой собралась тонкая складка. Она пошевелила ступнёй и собралась встать, но Рэм попросил досидеть до конца пробы. Когда свет погас, оба посмотрели на неё. Теперь ждали ответа режиссёра.

— Так, — сказала она. — Оставляем так.

***

У кассы было холодно. Из дверей снизу тянуло с ночного рынка дымом жаровен и сладким паром от каштанов. Человек в лиловом шарфе дочитывал объявление.

— Я взял места в первом ряду.

Лея раскрыла план Малого зала.

— В первом ряду они и останутся.

— А море?

Софья шагнула к нему раньше, чем Лея успела ответить.

— Воды не будет. Мы изменили постановку. Если вы пришли именно ради неё, я верну деньги.

Он посмотрел мимо неё на лестницу в Большой зал. Там стояли ведро и швабра.

— Лучше бы вы их убрали.

— Да.

Мужчина взял деньги. Софья подождала, пока он пересчитает, и убрала швабру за дверь. Когда вернулась, он всё ещё стоял перед кассой.

— А в пятницу будет море?

— Не могу обещать.

Он поправил шарф.

— Тогда я почитаю, что напишут про сегодня.

Неудобно было, что он говорил без злости. Она бы предпочла поссориться.

Двое попросили перенести билеты на следующий вечер. Женщина в чёрном спросила, будет ли Нелла. Получив ответ, пошла вверх так быстро, что Софья едва успела предупредить её про ступеньку.

К половине двенадцатого за кассой осталась Лея, а Софья шла по служебному коридору, считая: тридцать пять зрителей сегодня, шестнадцать возвратов, двое на завтра, один оплаченный билет без гостя. Мог и передумать. Мог прийти поздно. Она оставила ему место.

Мастерская внизу была открыта. Тамара сидела за столом и примётывала подкладку. Сухие выкройки висели на верёвке; три мокрых листа лежали на отдельной доске, прижатые по краям грузиками.

— К десяти успели, — сказала она.

Софья прислонилась к косяку.

— Для серого рулона тоже понадобится зерно?

Тамара вскинула голову.

— Я растущих швов не делаю. У меня клиенты и без того надеются, что пальто переживёт две зимы и их аппетит.

— Просто спросила.

— Не просто. На два рулона у Дамира накладная. Один синий, один серый. Серый я не трогала. Без вас не открою.

Из коридора донеслось:

— Софья. Начинаем.

Она обернулась. Ивор стоял в жилете, застёгнутом не на те пуговицы. Она потянулась поправить, но он отстранился.

— Так надо. Агата заметит во второй сцене.

Софья отдёрнула руку.

— Хорошо.

Он задержался у лестницы.

— Только не становись за моей спиной. Я тебя слышу, даже когда ты молчишь.

Софья осталась на лестничной площадке, пока он не ушёл. Ивор не оглянулся. Внизу Лея разговаривала со зрителем из Малого зала: тот вернулся от гардероба и показывал рукой вверх, туда, где был Большой зал.

— Уже можно? — спросила Софья.

— Сейчас я его посажу.

Она шагнула к кассе.

— Нет, — сказала Лея. — Вы тут за дверью не нужны. Я же должна сначала спросить билет.

Зритель спрятал ладонь с билетом в карман, снова вынул, смутился ещё сильнее. Софья посторонилась. Она вдруг ощутила, как устал человек напротив: он мог просто прийти смотреть море, а ему второй раз за вечер объясняли, куда идти.

В Большом ещё стоял влажный запах. Софья приоткрыла дверь, посмотрела на пустой поддон и не стала входить. Снизу слышалось, как Лея тихо подсказывает номер ряда. Ей ответили так же тихо.

Софья спустилась на несколько ступенек, сняла с подоконника чью-то чашку. Собиралась отнести в конторку, но там уже лежали деньги, мокрая схема и конверт с образцом. Она поставила чашку обратно и повернула её ручкой к стене, чтобы никто не задел.

У дверей Малого ей пришлось подождать. Лев сидел у пульта; между его коленями и стеной оставалось место, куда можно было пройти только боком.

***

Софья втиснулась на складной стул в нише за последним рядом. Лев сидел у пульта на таком же. Он придвинул колени, пропуская её, и снова положил на них ладони.

Тридцать пятый зритель чихнул. Лея прикрыла дверь.

На сцене Ивор принёс чемодан и долго искал, куда поставить. Нелла не помогла. Она сидела у стола в сером платье, которое Софья видела на ней десятки раз: на читках, на прогулках, как-то даже на похоронах чужой тётки. Под лампой это стало платьем женщины, которая не успела переодеться к приезду чемодана.

— У вас тут всё как раньше, — сказала Нелла.

— Мы красили.

— Я вижу. Зачем в этот цвет?

Ивор обернулся к стене. Подождал. Зал засмеялся, ещё негромко, с осторожностью незнакомых людей.

Софья поймала себя на том, что подалась вперёд. Села глубже.

Дальше Ивор должен был поставить чемодан и пройти к краю воображаемой террасы. Он поставил. Нелла обогнула стул не с той стороны. Софья сжала край сиденья.

Нелла остановилась у чемодана.

— Он всегда был такой маленький?

— Вы всегда брали большой.

— В большом у меня было на что надеяться.

Ивор поглядел на её платье. Потянул одну полу своего жилета вниз. Другая осталась выше.

Софья выпустила край стула.

Они играли медленнее, чем на репетиции. Между словами влезал рынок: звон чашки, далёкий окрик торговца, деревянные колёса по мостовой. Софья хотела наглухо закрыть окно в коридоре. Потом услышала, как Нелла подхватила чужой смех своей репликой, будто это смеялся кто-то за дверью пансиона.

Женщина в чёрном наклонилась вперёд.

В середине пьесы Нелла заметила жилет. Подошла и начала расстёгивать его, пуговицу за пуговицей. Ивор поднял руки, как человек на досмотре.

— Я сам, — сказал он.

Она остановилась.

— Вижу.

Смех на этот раз прошёл по всем рядам. Ивор кое-как справился с последней пуговицей; Нелла, ещё стоя близко, разгладила ему воротник. Потом вернулась за стол, так и не застегнув жилет.

Софья перестала ждать следующую реплику.

Она знала, что Нелле не нравились её последние три роли. Слишком молодые руки, слишком одинаковый смех. В старом театре ей говорили: пока получается, пользуйся. Софья тоже хотела пользоваться. Сейчас Нелла сидела в неудобном свете, и ничего в её лице не хотелось исправлять.

Лев повернул голову. Софья посмотрела на него, думая, что он проверяет лампу, но его взгляд был ниже — на её пальцах, которыми она беззвучно отбивала ритм на колене.

Она положила ладонь ровно. Он снова посмотрел на сцену.

К концу за окном стихли телеги. Нелла сняла с запястья ленту. Ивор стоял далеко, у самой двери, и она попросила его повторить.

Софья услышала короткий сухой щелчок.

На стене и по ножкам стола пошла светлая рябь. Волны двигались медленно; одна за другой проходили через неподвижный чемодан. Ни всплеска, ни гула. В коридоре кто-то шагнул и замер.

Нелла всё-таки развязала узел. Подняла глаза.

— Если завтра я передумаю, вы будете сердиться?

Ивор положил руку на чемодан.

— Завтра я сплю до десяти.

Она улыбнулась ему и опустила руки на колени. Свет качнулся на пальцах.

Больше никто ничего не сказал.

Софья не сразу поняла, что это конец. В зале ещё сидели тихо, хотя она уже должна была подать знак. Потом женщина в чёрном хлопнула дважды, неуверенно, и Ивор отвёл глаза от Неллы.

Они вышли на поклон вдвоём. Сначала Нелла пыталась вытолкнуть Ивора вперёд, потом он взял её за руку, и пришлось поклониться вместе. Софья засмеялась с остальными. У неё ныла спина, мокрый подол давно высох жёсткой полосой, а она сидела и не хотела вставать.

Лея открыла дверь в коридор, и зал снова сделался тесным. Человек во втором ряду поднялся, не заметив чужого пальто; хозяйка дёрнула его из-под сиденья и ударилась коленом о спинку. Софья встала, прижала складной стул к стене. Теперь людям стало легче обходить пульт, но пришлось стоять боком, почти касаясь Льва плечом.

— Завтра крайний ряд чуть сдвинем, — сказала она.

— Посмотрим пустой, — ответил он.

Она кивнула. На сцене Нелла поднимала с пола ленту. Софья хотела позвать её, пока не исчезло ощущение последней паузы, но актриса нагнулась, опершись обеими руками о колени, и некоторое время так стояла.

Софья вышла к кассе.

Женщина в чёрном ждала у лестницы, пропуская остальных. В руках у неё была сложенная программка. Софья приготовилась услышать про море; вместо этого женщина спросила, есть ли завтра места сбоку.

— Оттуда Неллу тоже видно, — сказала Софья.

— Мне ногу вытянуть.

Софья позвала Лею. Та не стала приносить всю схему: показала женщине крайний стул и спросила, два ли места ей нужно. Они договорились без неё.

Из Малого вышел Ивор с чемоданом. Поставил у двери, потёр ладонь о бок жилета.

— Ну? — спросила Софья.

Он посмотрел на неё и подождал.

— Хорошо было, — сказала она.

— Да. Я заметил.

— В середине ты…

Из зала позвала Нелла. Ивор подхватил чемодан, и Софья не договорила. Она посмотрела на его спину. Жилет он снова застегнул неправильно; теперь стало видно, что и край рубашки сбился под ним.

В конторке Иворова тарелка стояла рядом с объявлениями о возврате. Софья отнесла её на подоконник подальше от бумаги, поискала ложку и вспомнила, где видела её последний раз. Позвала Ивора снова, уже тише. Он показался в дверях.

— Ты поесть собираешься?

— Сначала Нелле помогу. Там стул застрял.

— Я помогу. Ешь.

Она вернулась в зал. Нелла пыталась сложить Софьин стул: одна скоба упиралась в другую. Пришлось поставить стул вверх ногами и вместе выдавить железку. Нелла выпрямилась, придерживая поясницу.

— Завтра такой же? — спросила она.

— Я другой найду.

— Не стул. Вечер.

Софья провела ладонью по спинке. Дерево было тёплым там, где она сидела.

— Сначала пройдём ленту, — сказала она. — Больше ничего трогать не буду.

Нелла с сомнением поглядела на неё.

— До завтра не буду, — уточнила Софья.

Лея принесла кассовую книгу и попросила подпись под возвратами. У Софьи снова оказались в руках чужой карандаш и сумма, которую уже нельзя было превратить в доход. Она проверила строки, медленно, по одной. Лея стояла рядом, не торопя, пока Нелла за сценой смеялась над чем-то сказанным Ивором.

На завтра в книге были две маленькие буквы возле двух мест. Софья вернула карандаш и не стала обводить их ещё раз.

***

В половине первого Нелла ушла домой с Тамарой. Пальто для лавки Тамара несла на плечиках под чехлом; Нелла держала второй край, чтобы тот не мёл лестницу. Ивор уехал к себе, оставив в конторке завтрашнюю рассадку и немытую ложку.

Лея повесила у кассы план Малого зала на следующий вечер. Один человек уже попросил два места. Это не возмещало шестнадцать возвратов, но Софья всё равно постояла перед двумя обведёнными квадратиками.

Потом поднялась в Большой зал.

Лев вынимал из пустого поддона полотно. Края всё ещё были разделены распорками. В сухой ткани блестела одна тёмная нить.

— Не стали ждать до двух? — спросила Софья.

— Я бы хотел унести пробу сегодня. Вы не против?

Она присела у поддона. На бирке, пришитой к углу, значилось: «Полотно морское. Рисунок снят. Дамир, склад № 6».

— Против, если всё заберёте. В среду он придёт за второй половиной денег.

— Тогда два образца. Один у вас.

Они отрезали узкую полоску, разрезали её пополам. Лев нашёл в сумке два плотных конверта. На каждом нарисовал, какой край разомкнули. Софья подписала время пробы.

— Он мог не знать? — спросила она.

— Мог. Пока у нас нить и чужая надпись.

— Очень хочется, чтобы уже было имя.

— Имя у вас на бирке. Нам нужно понять, что он продал.

Она спрятала свой конверт в конторку, положила сверху накладную на два рулона и вернулась с его гонораром.

Лев открыл конверт, пересчитал деньги, записал на обёртке стоимость светового зерна. Софья протянула недостающее.

— Я ещё за сегодняшний сток должна.

— Что?

— В мастерскую.

Он посмотрел на неё и наконец улыбнулся. От этого широкое усталое лицо стало неожиданно моложе. Или Софья просто впервые увидела его не со сцены и не снизу, когда он стоял над мокрым полом.

Ей было сорок три года. Она узнавала эту короткую досаду: надо бы сейчас сказать что-нибудь обыкновенное, а обыкновенное не приходит.

— Вам понравилось? — спросила она.

Лев убрал деньги.

— Во второй сцене я забыл про лампу.

Софья подняла брови.

— Это дорогое признание.

— Она не перегревалась. Я проверил.

Они пошли к выходу через Малый зал. Он выключал оставшиеся лампы, она поднимала со стульев забытые программки. В третьем ряду лежала перчатка. Софья забрала её к кассе, вернулась, и Лев в темноте чуть отступил, освобождая ей проход.

Она могла пройти с другой стороны. Не прошла.

Его рукав задел её плечо. Вблизи он пах не морем — мылом, нагретой кожей сумки и пылью. Софья опустила программки в коробку, промахнулась одной мимо, наклонилась за ней.

— Завтра вы заняты? — спросила она, выпрямляясь.

— Смотря для чего.

— Серый рулон. В десять. Полная проверка до раскроя.

— В десять я на фабрике. После трёх.

— Тогда после трёх.

Он накинул пальто и открыл дверь на лестницу.

Софья осталась у выключателя. Ещё немного света падало снизу, с рынка, и было видно сцену, стол и два разных стула.

Она собиралась передвинуть ближний к стене. Примерилась, взялась за спинку.

Потом вернула его на то место, где оставила Нелла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.